

ИРИНА МАЙСТРЕНКО,

аспирантка отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

**Черты политической культуры:
Восточная Европа и Латинская Америка
(сравнительный анализ)**

Abstract

The author uses comparative analysis for determination of similar and different features of political systems in Eastern Europe and Latin America. Latin American way was considered to be a standard in resolution of crises by a deal of elite (the so called transition models). That is why the comparative basis was formed of leading Latin American countries and Eastern Europe which prospects are often seen as developed according to the Latin American model. By comparing both transitions from authoritarian power to democracy, typical for these countries, one can see regional features in Eastern Europe, like avalanche character and total fragmentation of political system, and cyclic democratization in Latin America. This method makes it possible to describe transitional processes without leaving the field of political analysis and asking for external reasons in order to explain nationally specific differences.

Ныне существует мнение о сходстве политической конъюнктуры в странах Восточной Европы и Латинской Америки. С этим связаны попытки объяснить переход к демократии в государствах Восточной Европы на основе концептуальных средств, выработанных на материале Латинской Америки. Главная проблема сравнительного метода заключается в том, чтобы найти оптимальный уровень анализа и выделить общую “территорию” сравнения, в которую взаимодополняющим образом вписались бы эмпирические различия. Выбор уровня анализа стал центральным пунктом полемики вокруг вопроса о том, адекватны ли новому восточноевропейскому массиву данных транзитологические модели, построенные преимущественно на латиноамериканских (и в меньшей мере на южноевропейских) реалиях.

В общем виде латиноамериканский вариант было принято считать стандартным случаем разрешения кризисной ситуации на основе соглашения

элит, что позволяло включить его в широкую сравнительную перспективу, где одним из парадигмальных случаев наряду с Колумбией (1957–1958) была и Венесуэла (1958). В рамках соглашения стороны устанавливали новые, демократические правила игры, которые определяли границы дальнейшего политического процесса и обеспечивали предвидение его главных направлений.

Элита идет на соглашение, если конфликт наносит ущерб всем ее фракциям. Как правило, такой конфликт бывает скоротечным: если его участники находят выход, то довольно быстро. Именно за этот короткий критический период должны сформироваться основные компоненты консенсуса (который не является равнозначным абсолютному согласию). Другой аспект соглашения — секретность. Она оказывается возможной благодаря замкнутости круга участников пакта. Главную роль в нем играют бывшие политические акторы, избегающие обращения к массам. Но поскольку совсем без этого обойтись не удастся, участники “пакта элит” прибегают к трюку: они симулируют массовое участие. Такая ситуационная модель позволяет исследовать формирование новых политических правил игры, не включая в анализ характеристики авторитарного режима, предшествовавшего демократической трансформации. К тому же этот подход дает возможность объяснить национально-специфические вариации перехода влиянием внешних факторов, прежде всего социокультурного характера, а низкий уровень массового участия — относительно слабым экономическим развитием. Таким образом, открывается перспектива повышения активности масс по мере поступательного развития экономики и становится возможным долгосрочный (а значит не слишком обязательный) оптимистический прогноз развития консолидированной демократии (наиболее распространенный в рамках исследований демократий стран Западной Европы, Северной Америки, Японии, Австралии и Новой Зеландии). Эта объяснительная модель достаточно проста и удачно соотносится с более широкими теориями.

Экспансия восточноевропейского эмпирического материала ощутимо повлияла на центральные элементы этой концепции. Исследователи, анализировавшие возможность ее применения к Восточной Европе, писали о полном фиаско, поскольку, дескать, новая ситуация меняет все знаки на противоположные.

Как констатировала американская исследовательница Барбара Геддес, “одна из удивительнейших черт постсоветского периода — низкий уровень участия партий, имевших политический вес при ленинской гегемонии, в сочетании со скромным успехом отдельных выживших “исторических партий”; те из них, которые были воспроизведены в условиях демократизации, попытались выйти на политическую сцену и вступили в борьбу за голоса избирателей” [1, с. 34]. Некоторым (к примеру, венгерской Независимой партии мелких собственников и румынским национал-либералам) удалось добиться скромных успехов. Однако, несмотря на “диссидентскую” репутацию, на первых выборах ни одна из “исторических” партий не набрала больше 12% голосов, тогда как в Южной Америке в аналогичной ситуации именно они оказались лидерами.

Сравнение с Латинской Америкой демонстрирует несостоятельность попыток объяснить этот контраст ссылками на то, что в Восточной Европе:

- до прихода к власти коммунистических режимов политика состязания партий существовала непродолжительное время;
- режимы эти были особо репрессивными и тотально контролировали общественную жизнь;
- “исторические” партии были слабыми.

Не все латиноамериканские страны имели опыт хотя бы какой-нибудь демократии. Так, к моменту проведения свободных выборов (1958 год) в Венесуэле за всю ее историю был лишь трехлетний опыт политики состязания партий. Тем не менее из трех “исторических” партий две выжили и стали лидерами. Демократический опыт Перу, где также сохранились “исторические” партии, тоже был ограниченным. Аргентина, Чили и Уругвай пережили очень интенсивные репрессии, но “исторические” партии выжили во всех трех странах. В противовес этому в Бразилии, где большинство “исторических” партий на первых свободных выборах потерпели поражение, уровень репрессивности режима был весьма низким.

В результате краха “исторических” партий и политического успеха новых акторов в латиноамериканском регионе начали формироваться новые партийные системы. В Латинской Америке поставторитарная система принципиально отличается от существовавшей до авторитарного периода только в одной стране — Бразилии. Для Восточной Европы такая ситуация, наоборот, является нормой. В Румынии, например, было зарегистрировано более 200 партий, в остальных государствах региона — от 50 до 100. Геддес использует предложенную Кеном Джовиттом метафору: “внезапно открылась богатая экологическая ниша, оставшаяся от вымерших “доисторических” видов” [1, с. 48]. Неожиданно расширилось массовое участие в сфере политики наряду с появлением принципиально новой системы партий. Возникла ситуация неопределенности как для избирателей, еще не идентифицировавших себя с конкретными партиями, так и для партийных лидеров, отличающихся непредсказуемостью поведения. Поскольку правила игры не определены, партии нередко пытаются привлечь голоса, резко меняя свои позиции в идеологическом спектре.

К тому же в Восточной Европе формируются партийные системы преимущественно в составе партий, организованных не по интересам (non-interest-based parties). Множество партий, непосредственно не связанных с теми или иными экономическими интересами (особо заметно в этом плане отсутствие рабочих партий), порождают хаос во фрагментированной партийной системе. Избирателям трудно понять, кто наилучшим образом представляет их интересы; партии же всем обещают все. Такая ситуация может вызывать правительственную нестабильность (пример — Польша в 1990–1994 годах).

В Латинской Америке ситуация складывается по-другому. Исследователи подчеркивают ограниченность политического участия масс. В некоторых странах партийные системы основаны на двух “всеобщих” партиях (catch-all parties). Исключение составляет Чили — единственная латиноамериканская страна, где, несмотря на длительную историю успешной демократии (кроме периода с 1973 по 1989 год), партийная система фрагментирована и построена на классовых партиях (class-based party system).

Впрочем, асимметрию нельзя считать полной: и в Латинской Америке есть страны, где консолидация не удастся (например, Аргентина). Сбои в модели “пакта элит” заметили ее авторы, сами предложившие объяснение — модель “дилеммы узника”, построенную в рамках теории рационального выбора. На этом основании Гильермо О’Доннелл выделил новый тип “делегативных демократий”, отличающихся низким уровнем институционализации. Однако новая типология создает серьезные теоретические проблемы, кроме того, в анализ фактически вводится институциональный фактор: вероятность ситуационного образования делегативной демократии прямо зависит от развитости институциональных связей. Эти трудности можно преодолеть, обратившись к логике долгосрочного прогнозирования. Следующий важный момент — раскол “латиноамериканского единства”: если для классической транзитологии случаем отклонения выступала Бразилия, то для концепции делегативной демократии в число отклонений помимо Бразилии попадают также Перу и Аргентина.

Но основная слабость “транзитологического” подхода заключается в том, что национально-специфические различия объясняются влиянием внешних факторов, способных полностью изменять ситуационную раскладку. Это размывает саму “транзитологическую” модель, фактически лишая ее объяснительной силы.

Формулируя различия между латиноамериканским и восточноевропейским вариантами демократизации, американская исследовательница Валери Банс отметила, что “причина сведения демократизации в Латинской Америке к взаимодействию в среде господствующих элит заключается в ограниченном характере политических изменений” [2, с. 56]. На вопрос, что отличает социалистическое государство от латиноамериканской диктатуры, Банс ответила: “Социальная структура, идеология, политэкономия, конфигурация политических и экономических элит, модель взаимоотношений между армией и государством, позиция в международной системе иерархий и привилегий” [2, с. 61]. Одним словом — все.

Не случайно в своих прогнозах “транзитологи” и их критики во многом сходятся. По мнению Геддес, ситуация, сложившаяся в посткоммунистической Европе, дает основания надеяться “исключительно на интеллектуалов и рядовых граждан, понимающих, что их правительства непоследовательны, неэффективны, оппортунистичны и мелочны” [1, с. 52]. На этот же “потенциал человеческого действия” ссылается и О’Доннелл, характеризуя латиноамериканскую ситуацию. Различие тут лишь в том, что Геддес не совсем уверена в “интеллектуалах и рядовых гражданах”, а прогноз О’Доннелла более оптимистичен. “Авторитарные идеи и институты дискредитированы”, — утверждает он [3, с. 14]. По мнению П. Шмиттера, “эти страны практически “обречены” оставаться демократическими. Скорее просто не существует никакой серьезной альтернативы демократии. Выборы проводятся; налицо воля избирателей; права уважаются; произвол власти снижен — иными словами, в некоторой степени соблюдаются минимальные процедурные требования, но регулярные, приемлемые и предсказуемые демократические формы никогда окончательно не выкристаллизуются. От демократии не отказываются, она сохранена, однако функционирует она в режиме *ad hoc* и *ad hominem* по мере возникновения новых проблем” [4, с. 22]. Последний пассаж адресован уже и Латинской Америке, и Восточной Евро-

пе. К сожалению, Шмиттер четко не определяет, что такое “демократия *ad hoc*”, усложняя тем самым понимание оптимистической перспективы.

На мой взгляд, одним из возможных вариантов разрешения этой проблемной ситуации может стать разработанная Джовиттом концепция “ленинского наследия”. Он предложил учитывать в анализе структурные характеристики авторитарного режима, существовавшего в стране к началу демократической трансформации. Восточная Европа, по его мнению, “пребывает в состоянии коренного переопределения своих культурных оснований (*frames*), политических, экономических, геополитических границ и институтов... новые модели (*patterns*) будут сформированы на основе ленинского наследия” [5, с. 42]. Этот подход не исключает использования ситуационного анализа как метода, позволяющего объяснить происходящие процессы, а скорее устанавливает границы возможного применения ситуационных моделей. Сравнительная перспектива возводится на новый уровень, формируя более обширное пространство различий.

Использованная Джовиттом метафора “вымирание” удачно схватывает ситуацию неопределенности, отсутствия консенсуса и высокую степень напряженности и гораздо хуже — характер политической фрагментации, набор идентичностей, преобладающих в новой политической среде. Используя концепцию “ленинского наследия”, Джовитт фактически моделирует политическое пространство стран советского блока в 1940–1989 годах. Тем не менее следует уточнить и формализовать отдельные положения Джовитта.

Два основных элемента модели:

- характер организации институционально оформленных политических связей;
- характер взаимодействия между публичной и частной сферами.

Первый элемент модели (организация политического пространства стран советского блока) можно представить в виде пирамиды, отражающей соотношение вертикально и горизонтально организованных связей.

У властной пирамиды — несколько уровней, и эта модель применима ко всем уровням политического пространства стран Восточной Европы и бывшего СССР. При этом горизонтальное взаимодействие оказывается недостаточным, а обратная связь работает только по вертикали. Горизонтально организованные обратные связи практически не институционализированы. Принципиальный момент — организация связей внутри одной властной пирамиды.

Такую организацию политического пространства дополняли напряженные отношения между публичной и частной сферами. Как заметил Джовитт, “ленинский опыт усилил почти негативный образ политической сферы, добавив к нему обособленность частной... Партийная монополия и репрессивное отношение к населению создавали в Восточной Европе “гетто” политической культуры. Население воспринимало его как нечто опасное, чего следует избегать. “Войти” в политику означало “катастрофу”. Но поскольку полный контроль невозможен, партия фактически отступала из неприоритетных сфер и карала лишь за вторжение в приоритетные. Такое соотношение институционализированных и неинституционализированных политических связей создавало благоприятную почву для зарождения

сети клиентов, восполнявших пробелы горизонтальных связей внутри политической системы” [5, с. 50].

Распад советского блока кардинально изменил ситуацию. Резко ослабли все вертикальные связи, чем была вызвана реальная необходимость консолидации по горизонтали. Сработал механизм напряженности между публичной и частной сферами, поставляющий набор идентичностей, которые можно использовать в новой ситуации. Прежде всего заработали налаженные клиентские связи. А в тех случаях, когда “вертикальная” инфраструктура не разрушалась (бывший Советский Союз), сохранился кадровый состав бывшего аппарата. Кроме того, начали “работать” идентичности, которые либо совсем не были представлены в официальной риторике авторитарного режима, либо используются ныне с “противоположным знаком” (например, интернационализм—национализм). Консолидация новых политических акторов происходит в пределах этих идентичностей.

Это не отменяет ситуации неопределенности, поскольку приходится фактически заново создавать все правила игры. Задача крайне сложная еще и потому, что одновременно происходят разнонаправленные процессы фрагментации и консолидации. Их определяет набор идентичностей, почерпнутых из авторитарного источника (другого просто нет), что усиливает неопределенность.

Такая объяснительная модель представляется мне гораздо более корректной, нежели ситуационный подход транзитологов. Снимая противоречия последней, она позволяет делать более уверенные прогнозы. Ситуационная модель “латиноамериканского варианта” служит здесь одним из объяснительных инструментов, работающих на “горизонтальных” уровнях модели Джовитта. Пожалуй, ранние работы о “катастрофе демократии” в Латинской Америке лучше характеризуют современную ситуацию в этом регионе, чем свежая литература о “переходе к демократии”, а фрагментация в Восточной Европе дает основания для формирования скорее авторитарной олигархии, нежели демократии.

Слабость этой модели в отсутствии строгости. Чтобы превратить ее из метафоры в концептуальное обобщение, необходимо как минимум построить оппозиционную модель для латиноамериканского варианта, что создает реальную сравнительную перспективу.

В отличие от Восточной Европы, в Латинской Америке демократический переход не сопровождался демонтажем властной пирамиды; принцип организации политических связей остался прежним: вертикальная организация доминирует над горизонтальной. В итоге — незавершенность переходного периода. “Новые демократии могут регрессировать к авторитарному правлению или оставаться в уязвимой и неопределенной ситуации, — писал в этой связи О’Доннелл, — подобная ситуация может постоянно сохраняться, блокируя путь к институциональным формам демократии” [3, с. 38].

Поскольку демократические переходы 1980-х годов в Восточной Европе уместнее было бы назвать волной редемократизации, объяснительная сила латиноамериканской ситуационной модели оказывается сомнительной и для самой Латинской Америки. Как уже упоминалось, для объяснения феномена “пакта элит” авторы этой концепции вынуждены обращаться к институциональному фактору. Главным “обвиняемым” становится при

этом латиноамериканский президентализм: “Значительная часть латиноамериканских государств остаются в высокой степени централизованными с политической точки зрения, что делает систему президентской власти, функционирующей по принципу “победитель получает все”, мощным источником неограниченных полномочий в должностных назначениях. Высшие судебные учреждения по всему континенту остаются подконтрольными исполнительной власти, что ставит под сомнение возможность выполнения ими функций арбитров между ветвями власти” [6, с. 89]. Конфликт законодательной и исполнительной власти вызывает эскалацию напряженности, раскол властной пирамиды, структурный политический кризис. По этому сценарию “естественным” результатом ситуации в Латинской Америке был в прошлом успешный государственный переворот.

Анализируя причины коллапса авторитарных режимов Латинской Америки, исследователи описывают ситуацию аналогичным образом. Стремясь реконструировать институциональный дизайн политической системы, военные считали необходимым сохранить хотя бы рудименты политики состязания партий (бразильская Конституция 1967 года, предложенный уругвайскими военными проект Конституции 1980 года). Вместе с тем авторитарные режимы Восточной Европы обязаны своим “успехом” не столько уничтожению кадрового состава прежних политических элит, сколько ликвидации условий их существования. “Латиноамериканский вариант” авторитаризма никогда не заходил так далеко; зачастую он даже способствовал развитию свободных ассоциаций и организаций, которые потом способствовали демократическому переходу. Для стран Латинской Америки наблюдается четкая корреляция между прочностью общественных организаций, их автономностью, с одной стороны, и живучестью демократии — с другой. В некоторых случаях автономные ассоциации начинали активно действовать в процессе быстрой экономической модернизации, осуществляемой авторитарными режимами (Бразилия, Перу 1970-х годов). Более того, правительства военных могли даже ставить вопрос о демилитаризации государства, и именно от военной элиты поступал иногда “либерализационный импульс” (в Бразилии в 1974 году, в Аргентине в 1966–1970 годах, в Перу и Уругвае в 1980-х годах).

Ситуация повторялась: раскол правящего блока приводил к кризису, разрешавшемуся на основании “пакта элит” или путем военного переворота. Анализируя методологические аспекты “редемократизационного перехода”, американский политолог Адам Пшеворски предложил рассмотреть его “как взаимодействие двух одновременных, но довольно автономных процессов — дезинтеграции, в которой часто усматривают форму “либерализации”, и возникновения демократических институтов” [7, с. 12]. С точки зрения институционального устройства ситуация зеркальная: институциональный каркас оказывается для демократии слишком твердым, для авторитаризма — слишком мягким.

Принципы организации институционализированных политических связей в Латинской Америке и в Восточной Европе подобны. Однако формирование властной пирамиды в латиноамериканских странах определяет специфическую расстановку сил в политическом пространстве; это можно проиллюстрировать так.

Треугольник, вершиной которого является государственная бюрократия, так или иначе взаимодействующая с политической и военной элитой, отражает только факт самостоятельности стратегических позиций политической элиты, военных и бюрократии, а не их позиции в идеологическом или экономическом спектрах и не распределение групповых интересов. Такая конфигурация политических сил в латиноамериканском регионе пришла из его колониального прошлого и базируется на особенностях деколонизационного процесса. Подобная расстановка сил была невозможна для Восточной Европы, где армия и бюрократия встроены в общую конструкцию власти. Наличие трех автономных центров организации политических связей создавало условия для внутреннего раскола единой властной пирамиды.

Важно подчеркнуть, что представленная в такой схеме конфигурация не означает внутреннюю однородность ее отдельных элементов. Скорее наоборот: как для политической, так и для военной элит характерна сильная поляризация. Силовой треугольник фактически задает рамки, в которых авторы выбирают сценарий разрешения конфликта, определяя тот или иной ситуационный расклад. “Пакт элит” и военный переворот — это крайние пункты латиноамериканского политического цикла, означающие переход “третьего лишнего” на второй план. Бюрократия лишней не оказывается никогда. Самый яркий пример — послевоенная Аргентина, где ряд военных переворотов и постоянная смена электоральных правил довели логику “третьего лишнего” до абсурда. С этой точки зрения латиноамериканский авторитаризм можно назвать авторитаризмом *ad hoc* с тем же правом, с которым можно назвать *ad hoc* и латиноамериканскую демократию.

Поскольку организационные принципы институционального каркаса прежнего режима сохраняются в Латинской Америке при любой расстановке сил, причины кризиса латиноамериканских демократий, на мой взгляд, заключаются не столько в недостатках президентского централизма, сколько в общей слабости институциональных оснований. Не только отношения между исполнительной и законодательной властью, но и отсутствие горизонтальной подотчетности всех демократических институтов, строящихся по клановому принципу и постоянно тормозящих реальное массовое политическое участие населения, стали причинами коллапса государственных систем.

Катастрофа авторитаризма в Восточной Европе действительно означала переход от одной институциональной системы к другой, чего, похоже, нельзя сказать о Латинской Америке. С этой точки зрения, видимо, нет оснований противопоставлять друг другу авторитарное и демократическое разрешение политического кризиса. В обоих случаях консолидация является не следствием достижения крепкого консенсуса и выработки новых правил игры, а только средством временно — до следующего кризиса — нивелировать напряженность политического конфликта путем смены режима. При любом благоприятном изменении конъюнктуры избирательная организация латиноамериканских партийных систем легко восстанавливается. Отсутствие устойчивых горизонтальных связей получает выход в цикле “вечного возвращения”. (Как демократический, так и авторитарный импульсы — перманентные черты латиноамериканского политического процесса.) Возможно, события 1980-х годов свидетельствовали об уходе со сцены “во-

енного элемента”, но чтобы утверждать это, нужны более детальные исследования: анализ развития демократии в обеих Америках за последнее десятилетие позволяет предположить, что в длительной перспективе сохранение представительской формы правления остается проблематичным. Переворот на Гаити, попытки путчей в Венесуэле и Гватемале, введение президентом Перу диктаторского режима и ситуации военной напряженности в Чили напоминают о слабости демократической практики в этих странах.

Латиноамериканский авторитаризм не ставил перед собой, подобно европейским формам тоталитаризма, цель построить “новый порядок”. Официальная политическая риторика латиноамериканских режимов не знала обратной трансформации, характерной для Восточной Европы. “Война с марксизмом” не помешала Пиночету сделать “демократическую карьеру”, а “перуанский социализм” опирался на поддержку основных демократических институтов. “Доктрина национальной безопасности” оказалась удобным инструментом, который в кризисной ситуации помог консолидировать военные элиты, но не смог заменить легитимную идеологию. В Уругвае и Аргентине, как и в Бразилии, прокламации, декларации, проекты и маневры правящего военного режима апеллировали именно к политической системе и легитимности, которые можно было идентифицировать с демократическими представлениями” [6, с. 92].

На мой взгляд, сопоставление двух моделей перехода от авторитаризма к демократии приводит к выводу, что по сравнению с ситуационной моделью транзитологии у предложенного Джовиттом подхода есть преимущества, поскольку его теоретические рамки расширяют границы сравнения. Благодаря этому становится возможным описание региональных вариаций демократического перехода как в Восточной Европе, где процесс имел лавинообразный характер и сопровождался тотальной фрагментацией политической системы, так и в Латинской Америке с ее циклической демократизацией. Такой подход позволяет, оставаясь в рамках политического анализа, описывать переходные процессы, не обращаясь к внешним факторам для объяснения национально-специфических различий.

Литература

1. *Geddes B.* A Comparative Perspective on the Leninist Legacy in Eastern Europe // *Comparative Political Studies.* — 1995. — Vol. 28. — P. 242.
2. *Bunce V.* Should Transitologists Be Grounded? // *Slavic Review.* — 1991. — Vol. 54. — P. 111–127.
3. *O'Donnell G.* Introduction to the Latin American Cases // *Transitions from Authoritarian Rule.* — Baltimore; L., 1993. — P. 198.
4. *Schmitter P., Karl T.* The Conceptual Travels of Transitologists and Conflictologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review.* — 1994. — Vol. 53. — P. 385.
5. *Jowitt K.* New World Disorder: The Leninist Extinction. — Berkeley, 1992. — P. 258.
6. *Dellenbrandt J.* Parties and Party Systems in Eastern Europe // *Developments in East European Politics.* — L., 1993. — P. 162.
7. *Przeworski A.* Some Problems in the Study of the Transition to Democracy // *Transition from Authoritarian Rule.* — Baltimore, 1993. — P. 257.
8. *Шмунтер Ф.* Загрози і дилеми демократії // *Століття XX і світ.* — 1994. — №7/8. — С. 110–146.